

«Скрытый платонизм» и герменевтика
романов Ф.М. Достоевского
в философской критике Вячеслава Иванова*

© 2025 г. С.Д. Титаренко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 9/11.

E-mail: s.titarenko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6981-0664>

Поступила 12.12.2023

Статья посвящена рассмотрению проблемы влияния философии Платона на методологию и метаязык исследований Вячеслава Иванова, в которых был дан анализ романов Ф.М. Достоевского. «Скрытый платонизм» можно понимать как принцип, определяющий религиозно-философское и художественное мышление Достоевского в интерпретации Иванова. Учитывается платоновская традиция в развитии герменевтики XIX–XX вв. и прежде всего работы Ф. Шлейермахера, Х.Г. Гадамера и М. Хайдеггера. Доказывается, что исследования Иванова о Достоевском являются свидетельством использования им некоторых принципов философии и мифопоэтики Платона для герменевтического анализа романов русского писателя. Показывается, что интерес к диалогам Платона у Иванова был обусловлен влиянием различных источников и прежде всего таких, как христианский платонизм, русская религиозная философия, сочинения В.С. Соловьева и др. Анализируются материалы из личного архива Иванова, которые показывают его знание диалогов Платона «Тимей» и «Федр». Рассматриваются статьи, лекции, малоизученные материалы и его книга «Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика» (Тюбинген, 1932). На основе принципа платоновского «анамнесиса» и категорий «восхождение – нисхождение» Ивановым создается аналог модели герменевтического круга как способа метафизического мышления и интерпретации текста. Некоторые мифы Платона о душе, красоте, пещере, Эросе и др. он использует как формы иносказания. Христианский платонизм для Иванова является способом интерпретации религиозного сознания Достоевского, для которого была важна идея спасения души человека. Иванов обогащает свой герменевтический анализ мифопоэтическими экскурсами и образами диалогов Платона, использует понятия древнегреческого философа в структуре религиозно-философского дискурса.

Ключевые слова: русская религиозная философия, философская критика Вяч. Иванова, романы Ф.М. Достоевского, философия и мифология Платона, платонизм как форма религиозно-философского и художественного мышления, христианский платонизм, философская герменевтика.

DOI: 10.21146/0042-8744-2025-4-138-147

Цитирование: Титаренко С.Д. «Скрытый платонизм» и герменевтика романов Ф.М. Достоевского в философской критике Вячеслава Иванова // Вопросы философии. 2025. № 4. С. 138–147.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

“Hidden Platonism” and Hermeneutics of F.M. Dostoevsky’s Novels in Vyacheslav Ivanov’s Philosophical and Critical Legacy*

© 2025 Svetlana D. Titarenko

Saint Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: s.titarenko@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6981-0664>

Received 12.12.2023

This article is devoted to the problem of the influence of Plato’s philosophy on the methodology and metalanguage of Vyacheslav Ivanov’s philosophical and critical research, which analyzed F.M. Dostoevsky’s novels. “Hidden Platonism” can be considered as a principle that defines Dostoevsky’s religious-philosophical and artistic thinking as interpreted by Ivanov. Plato’s tradition in hermeneutics development in the 19th–20th centuries is considered, especially in the works of F. Schleiermacher, H.-G. Gadamer and M. Heidegger. The research of Ivanov’s analysis of works by Dostoevsky proves to demonstrate that Ivanov used some principles of Plato’s mythopoetics and philosophy for the hermeneutic analysis of the Russian writer’s novels. It demonstrates that Ivanov’s interest in the Dialogues of Plato was based on various sources such as Christian Platonism, Russian religious philosophy, works by V.S. Solovyev and others. The paper analyses the materials from Ivanov’s personal archive, which show his knowledge of Plato’s dialogues *Timaeus* and *Phaedrus*. Ivanov’s articles, lectures, insufficiently studied materials and the book *Dostoevsky: Tragedy – Myth – Mysticism* (Tubingen, 1932) are explored. Based on the principles of Plato’s “anamnesis” and categories of “ascent – descent” he makes an analogue of the hermeneutic circle as a method of metaphysical thinking and text interpretation. He uses some of Plato’s myths about soul, beauty, cave and Eros as forms of circumlocution. Christian Platonism for Ivanov is a special way of interpretation of Dostoevsky’s religious consciousness, for whom the idea of salvation was crucial. Ivanov enriches his hermeneutic analysis with mythopoetic excursions and images of Plato’s dialogues, using the ideas and concepts of the ancient Greek philosopher in the structure of religious and philosophical discourse.

Keywords: Russian religious philosophy, philosophical criticism of Vyach. Ivanov, novels of F.M. Dostoevsky, Plato’s philosophy and mythology, Platonism as a form of religious-philosophical and artistic thinking, Christian Platonism, philosophical hermeneutics.

DOI: 10.21146/0042-8744-2025-4-138-147

Citation: Titarenko, Svetlana D. (2025) “Hidden Platonism” and Hermeneutics of F.M. Dostoevsky’s Novels in Vyacheslav Ivanov’s Philosophical and Critical Legacy’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2025), pp. 138–147.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences.

При возрастающем интересе к литературно-философскому и исследовательскому наследию Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) актуализируется проблема изучения его вклада в развитие методологии гуманитарных наук, и полем оживленных дискуссий становятся традиции герменевтики. Важнейшие подходы теоретика русского символизма к исследованию романов Ф.М. Достоевского уже были намечены исследователями, но они остаются дискуссионными в плане определения некоторых важных источников и принципов его герменевтического анализа¹. Малоизученной является проблема влияния философии и мифологии Платона на исследовательскую методологию и метаязык сочинений Иванова как содержащий отсылающие к диалогам древнегреческого философа мифопоэтические образы, символы и понятия, а также его трактовка «скрытого платонизма» (или «бессознательного платонизма») как одного из принципов художественного мышления Достоевского.

О «бессознательном платонизме» как особенности мышления Достоевского Иванов писал в книге «Дионис и прадионисийство», противопоставляя его «сознательному противлению» Платону со стороны Ф. Ницше [Иванов 2015, 9]. В лекции «Дионис и прадионисийские культы», прочитанной 24 апреля 1926 г., он утверждал, как писал его сын Д. Иванов, что «скрытый платонизм Достоевского противоположен борьбе Ницше с трансцендентной концепцией Платона!» [Ivanov 1989, 222]. Разрабатывая свою методологию анализа, Иванов называл «платонизм» в Бакинских лекциях 1921 г. естественным для Достоевского – писателя-пророка (см.: [Иванов 1921⁶, 176]), стремясь представить модель интерпретации и толкования, близкую к герменевтике как искусству пророческого высказывания в древности, согласно идеям Платона, изложенным им в диалоге «Кратил».

Новаторские для своего времени статьи Иванова, такие, как «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Экскурс: Основной миф в романе “Бесы”» (1914), «Лик и личности России: К исследованию идеологии Достоевского» (1917) и др., были переработаны им и дополнены для итоговой книги «Достоевский. Трагедия. – Миф. – Мистика» (1932), вышедшей в Германии в Тюбингене на немецком языке (см.: [Ivanov 1932]). В них проявился в полной мере, как и в малоизученных лекциях о Достоевском (см.: [Иванов 2021⁶]) и лекциях о Дионисе (см.: [Ivanov 1989]), прочитанных в Бакинском университете в 1920-е гг., платонизм как основа его философской герменевтики.

Л. Силард, рассматривая герменевтические принципы Иванова в аспекте онтологизма Платона и онтологизации символа на материале его книги «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923), указывала на платонизм как на один из источников его метода герменевтики [Силард 2002, 15]. Понятие «онтологический реализм» Иванов определил в статье «Две стихии в современном символизме» (1908) со ссылкой на Платона: «Поскольку идеи Платона суть *res realissimae*, вещи воистину, он требует от искусства столь близкого означенания этих вещей, при котором случайные признаки их отображения в физическом мире должны отпасть» [Иванов 2018, 170]. Реализм Достоевского Иванов понимал, по его словам, как «своеобразный онтологический реализм, основывающийся на мистическом “проникновении” в чужое Я как на некоей реальности, существующей в *Ens realissimum*» [Иванов 2021^a, 5]. М.М. Бахтин, хорошо знавший некоторые статьи Иванова о Достоевском 1910-х гг., анализируя творчество Достоевского, писал, что «“идей в себе” в платоновском смысле или “идеального бытия” в смысле феноменологии Достоевский не знает <...> И “истину в себе” он представляет в духе христианской идеологии, как воплощенную в Христе» [Бахтин 2000, 40–41]. Эта позиция предвосхищается в исследованиях Иванова, в которых он обозначает ее понятием «скрытый платонизм».

«Скрытый платонизм» можно соотнести и с идеей «внутренней формы». Эта идея представляется значимой для понимания философского и художественного мышления Иванова, склонного выражать свои идеи иносказательно через ряды символических и мифопоэтических образов. В. Террас при анализе исследований Иванова о Достоевском обратил внимание на платоновское понятие «внутренний эйдос (*endon eidos*)», которое находит здесь отражение не как метафизическая, но как психическая реальность

[Terras 1990, 153]. Идея «внутренней формы» или «формы жидущей» («forma formans») складывалась в эстетике Иванова в 1900–1910-е гг. и имела множественные источники. Она нашла отражение в статье Иванова «О границах искусства» (1913)², предвосхищая его концептуально значимое позднее эссе «Forma formans и forma formata» (1947)³.

Платонизм в герменевтике как «внутренняя форма» определяет «открытость» для истолкования сложных религиозно-философских проблем. В книге «Истина и метод», опубликованной в Тюбингене в 1960 г., Х.-Г. Гадамер писал: «Открытость, заложенная в сущности опыта, есть с логической точки зрения именно эта открытость для “так или этак”» [Гадамер 1988, 426]. Он считал возможным расширение герменевтического опыта за счет понятия «трансцендентное» и учитывал «открытость» диалогов Платона как способ постижения истины. Это обусловлено тем, что герменевтика как искусство истолкования не укладывается в XX в. в рамки традиционного метода, в ней заложена идея непрерывного поиска смысла⁴. Поэтому, с одной стороны, онтологизм Платона в герменевтике Х.Г. Гадамера или М. Хайдеггера, со времен Ф. Шлейермахера – переводчика Платона, является важнейшим принципом методологии анализа, как и диалогизм и диалектика (см.: [Хайдеггер 1993, 345–361; Гадамер 1988, 426–445]), с другой – позволяет говорить об «открытости» истолкования, и этот принцип «открытости» и использует Иванов при анализе романов русского писателя.

Представляется, что прямые отсылки к философии Платона формируют в его исследованиях о Достоевском метатекстовое единство как своего рода герменевтическое поле для истолкования, а язык, образующий тезаурус мысли и отсылающий часто в скрытой манере к идеям и образам Платона и к ряду других источников, например, библейско-евангельского, литературного характера, или к русской религиозной философии, способствует формированию иносказательности при интерпретации идей Платона в текстах романов Достоевского. В этом плане Иванов близок к П.А. Флоренскому, который в работе «Смысл идеализма (метафизика рода и лика)» (1915) понимал платонизм как «типическое выражение внутренней жизни», так как «языки всех народов оказались пронизанными платоновскими терминами», и платонизм «влился возбуждающей струей в религиозную жизнь человечества» [Флоренский 2000, 68–69].

Иванов анализирует романы Достоевского в русле христианского платонизма, близкого к В.С. Соловьеву и русской религиозной философии. На подобный подход Иванова-мыслителя к Платону указывал С.Н. Булгаков в статье, посвященной анализу книги Иванова «Борозды и межи» (1916), где он отметил, что над Достоевским и Соловьевым в статьях теоретика русского символизма «высится осеняющая фигура Платона, – мистика, поэта, мифотворца, философа» [Булгаков 1918, 138]. Это свидетельствует об особой природе исследовательской стратегии Иванова, тяготеющей к иносказательности и мифопоэтическому типу дискурса для анализа религиозных идей Достоевского. В этом плане важную роль для формирования герменевтического опыта истолкования романов Достоевского сыграли для Иванова сочинения В.С. Соловьева и его подходы к герменевтике.

Соловьев, как пишет Н.К. Бонецкая в статье «Предтечи русской герменевтики», ввел в критико-философский тип интерпретации герменевтический дискурс, и «методология “Трех речей в память Достоевского” (1881–1883) Соловьева в ряде своих важных особенностей весьма напоминает подход русской герменевтики» [Бонецкая 2014, 91]. Как известно, Соловьев был переводчиком древнегреческого философа. Первый том «Творений Платона» вышел с его переводами и комментариями в 1899 г., второй – после его смерти в 1903 г., благодаря М.С. Соловьеву и С.Н. Трубецкому⁵. В статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1910) Иванов сравнивает философские труды русского мыслителя с «“Законами” Платона», указывая, что именно «Достоевский и Вл. Соловьев властительно обратили мысль нашего общества к вопросам веры» [Иванов 1979 III, 296]. Кроме того, он неоднократно обращается к «Трем речам в память Достоевского», а слова Соловьева о том, что «поэты были пророками и жрецами, религиозная идея владела поэзией» [Соловьев 1988, 292], повторяет дважды

в статье «Две стихии в современном символизме» (1908) с отсылкой к его имени [Иванов 2018, 167, 188].

Иванову был близок намеченный Соловьевым принцип «созерцания» сверхчувственной реальности. Он писал об этом, анализируя христианский платонизм Достоевского как пророчество, когда «церковные основы веры становятся предметом интуитивно творческого толкования, как орфическая и пифагорейская догматическая традиция у Платона, и интуиция, опираясь на диалектику, раскрывается в почти что визионерском созерцании потустороннего мира», так как у Платона и у Достоевского «душевные содрогания от проникновения в сверхчувственную мистирию и медленное духовное рождение в схватках не приводят к разрушению целостности и внутренней связанности обретенных познаний: наоборот, создается впечатление, будто познания эти сами собой складываются в неразрывное учение» [Иванов 2021^a, 101–102].

Уже ранние статьи и эссе теоретика русского символизма 1900-х гг., опубликованные в книге «По Звездам. Статьи и афоризмы» (СПб., 1909), говорят о том, что в этот период он неоднократно использует многочисленные цитаты и отсылки к диалогам Платона «Ион», «Менон», «Федон», «Пир», «Федр», «Тимей», «Государство» и др. и осуществляет «платонический поворот» в развитии языка интерпретации, производя синтез философского, религиозного и художественного. При формировании принципов философской герменевтики он как переводчик трагедий Эсхила учитывал стратегии филологической герменевтики в связи с пониманием им перевода как истолкования. В книге «Дионис и прадионисийство», обобщая эти принципы, он писал: «Так называемые “низшие” критика и герменевтика – наиболее точная часть филологии, делающая ее образцом научной строгости в ряду исторических дисциплин» [Иванов 2015, 55]. Если «“низшие” критика и герменевтика», по его мысли, – основание филологического анализа текста, то «высшая» «восходит по ступеням обобщения от эмендации и интерпретации текста к объяснению и оценке всего произведения, далее – всего автора, потом всего представляемого им направления и литературного рода», а затем ведет к «характеристике духа эпохи и даже к философскому истолкованию» [Там же, 352–353]. Понятие «эмендация» (от лат. *ēmendātio* – исправление, усовершенствование), использованное здесь, означает корректирование слов, их замену для лучшего понимания смысла. По словам Иванова, эмендация «вносит новую и неожиданную черту» в интерпретацию [Там же, 171].

В некоторых статьях Иванова, к примеру, такой, как «Древний ужас» (1909), трактовка платоновского понятия «анамнесис» близка к понятию герменевтического круга. Иванов пишет: «Но есть, говорит Платон, и Память Предвечная (*ἀνάμνησις*): воспоминание души о довременном созерцании божественных Идей. <...> И пророческие дары Духа – упреждение бытия последнего – раскрываются памятью о бытии первом» [Иванов 2018, 255]. В основании герменевтического круга у Иванова положен не просто логический или диалектический принцип движения мысли от части к целому и наоборот, как, например у Шлейермахера⁶, а платоновская теория памяти и мышления, то есть теория «круговорота понимания» или, говоря словами Х.-Г. Гадамера, «круга понимания»⁷. Например, в статье «Экскурс: Основной миф в романе “Бесы”» (1914) он говорит, что «реалистический символизм возводит воспринимающего художественное произведение а *realibus ad realiora* – от низшей действительности к реальности реальной. В процессе же творчества, обратном процессу восприятия, обуславливается он нисхождением художника от предварительного интуитивного постижения высшей реальности к ее воплощению в реальности низшей – а *realioribus ad realia*» [Иванов 1987 IV, 437].

Восхождение к первообразам – тема многих диалогов Платона, среди которых можно назвать «Тимей» и «Федр». По мысли А.Ф. Лосева, «только “Тимей” впервые диалектически конструирует весь материальный космос в его соотношении с умом, то есть со всеми теми идеями, которые лежат в глубине космоса и впервые рассматриваются как принципы мирообразования в целом», так как в основании здесь положена конструкция мифа как «ниспадение душ с неба на землю и их обратное восхождение»

[Лосев 1971, 647]. Поэтому он определяет идеализм Платона как философскую методологию и как «символически-мифологическую эстетику», основанную на принципах диалектики мифа [Там же, 657–659].

Мышление человека, по Платону, циклично, так как оно является аналогом небесного свода и космической души. Он пишет, «что причина, по которой бог изобрел и даровал нам зрение, именно эта: чтобы мы, наблюдая круговращения ума в небе, извлекли пользу для круговращения нашего мышления, которое сродни тем, небесным [круговоротам]» (Тимей, 47b–d, пер. С.С. Аверинцева) [Платон 1971, 488]. Приведенная цитата содержится в составе переписанного Ивановым на древнегреческом языке фрагмента из диалога Платона «Тимей». Этот фрагмент сохранился в его личном архиве и может быть доказательством проявленного им интереса к идее цикличности мышления человека как аналога космоса (см.: [Архив Иванова⁶]). Здесь можно найти и универсальную модель герменевтического круга. Платон указывает, что «дело неповрежденного в уме человека – припомнить» и «расчлнить все видения с помощью мысли и уразуметь, что же они знаменуют» (Тимей, 71e–72ab) [Платон 1971, 517].

В личном архиве Иванова сохранились также материалы, свидетельствующие о его пристальном внимании к диалогу «Федр». Это сброшюрованная часть тома издания сочинений Платона, содержащая текст диалога в переводе профессора В.Н. Карпова [Архив Иванова⁶; Платон 1863]⁸. Корпус некоторых помет и записей Иванова уже был рассмотрен [Титаренко 2010], но требуют внимания те, которые связаны с герменевтическими принципами истолкования текста, так как исследователи считают, что именно в переводах диалогов Платона Карповым и в его комментариях содержались принципы «школы» герменевтики, важной для развития отечественной философской мысли (см.: [Светлов 2019, 24]).

Пометы и комментарии Иванова свидетельствуют о том, что для него были важны сокровенное учение Платона о душе и об идее как порождающей модели, о трансцендентности сущего, мифы об Эросе и возникшем колеснице душ, который направляет их к познанию истинно-сущего. Подчеркиваниями в тексте и отчеркиваниями на полях отмечены фрагменты текста диалога, где говорится, что мысль всякой души, ведомой богом, «радуется, что по временам видит сущее, и, усматривая истину, насыщается и наслаждается ею», что «во время этого кругооборота, она созерцает справедливость, созерцает рассудительность, созерцает знание... находящееся в истинно-сущем», и возвращается к исходной позиции («идет домой») (Федр 246c–d, пер. В.Н. Карпова) [Платон 1863, 57]. Главным объектом внимания Иванова являются мифопоэтические образы Платона, выражающие стремление души к созерцанию высшего знания, которое достигается восхождением в процессе анамнезиса. Поэтому миф Платона для него – вожатый или «возничий» в колеснице души, о чем он также писал в одном из недатированных черновых фрагментов, посвященных истолкованию стихотворения «На суде пред божеским престолом...»: «Не прекрасно ли, последовав древнему и достохвальному обычаю, освященному Платоном, начать речь с мифа, – если есть вожатый миф?» [Иванов 1999, 7].

Лекции о Достоевском, прочитанные им в Бакинском университете в 1921 г., свидетельствуют, что в некоторых из них, по сравнению со статьями 1910-х гг., усиливается акцентирование «скрытого платонизма» как основы романов писателя. Например, в лекции от 18 апреля указывалось, что «мироучувствование» Достоевского основано на его бессознательной близости к трактовке высшей реальности у Платона, а анализ его романа «Идиот» проводится на основе мифообразов древнегреческого философа. По словам Иванова, мифология Платона становится «исповедью платонизма» Достоевского, а принципом прозрения его героев является воспоминание о жизни «до рождения в мире идей» [Иванов 2021⁶, 176]. Понятия Платона и систему его мифопоэтических образов Иванов перетолковывает на основе христианского платонизма.

Структура книги Иванова «Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика» – это свидетельство синтеза филологической герменевтики с философской, так как философский тезаурус используется здесь наряду с понятиями поэтики Аристотеля и исторической

поэтики А.Н. Веселовского. Филологический анализ был важен при анализе формы романа-трагедии Достоевского в первой главе «Tragodumena». «Платон определяет эпос как смешанный род, – пишет исследователь, – отчасти повествовательный или известительный, отчасти подражательный или драматический, – там, где рассказ прерывается многочисленными и длинными монологами или диалогами действующих лиц» [Иванов 2021^a, 15]. Он также указывает на выделенный Веселовским синкретизм и двойственную природу эпоса, отмеченную еще Платоном. Филологический анализ трансформируется в философию мифа во второй части книги «Mythologumena», где анализируется мифотектоника романов Достоевского, и завершается религиозно-философским синтезом, близким к богословской герменевтике в третьей главе «Theologumena».

Прозрение «высших реальностей» и восхождение души к «истинно-сущему» – центральная тема диалога Платона «Федр». Образ «высших реальностей» и платоновская «пещера» из диалога «Государство» для Иванова – также символические иносказания, так как Достоевский, по его мысли, был «зодчим подземного лабиринта, призванного служить основанием новой духовности универсального, всечеловеческого Я» [Там же, 12–13]. Говоря об антиномичности личности человека и его отпадении от Бога у Достоевского, Иванов пишет о важности осознания сущего как выхода из тьмы к свету, когда «все будут поражены, как они могли так долго жить во мраке, не подозревая о свете, и тогда “явится на небе знак Сына Человеческого”, то есть тайна Христа раскроется на глазах у всех», и «перед писателем вспыхивает невыразимое озарение: каждый отдельный человек есть все человечество, и все человечество – *единый* человек, *единый* Адам» [Там же, 53]. К этому фрагменту им сделана отсылка: «Легко узнать влияние Достоевского в знаменитых “Чтениях” его молодого друга, Владимира Соловьева, <...> о Богочеловечности и Богочеловечестве, – и об историческом странствии человечества как конкретного единства к мистическому Телу Христову» [Там же]. Это свидетельствует о важности богословского учения Соловьева, которое он изложил в цикле лекций «Чтения о Богочеловечестве» (1878). Для выхода из «темничного существования» (или лабиринта сознания) важен мифопоэтический образ возничего (в трактовке Иванова часто «вожатого») из диалога «Федр», который иносказательно подводит к пониманию высшего – «лика Христова» [Там же, 99]. Размышления Иванова совпадают с идеями, высказанными В.Ф. Эрном в работе «Верховное постижение Платона» (1917). Он считал текст диалога «Федр» моделью поиска пути из «пещерного» существования человека, на которое тот обречен [Эрн 1991, 465]. Хайдеггер, обращаясь к тексту этого же диалога, также писал о воплощенной в нем метафизике прозрения: «Те названные в “притче” вещи, которые открываются взгляду вне пещеры... <...> сущее всего сущего» [Хайдеггер 1993, 348].

Платоновское учение об анамнесисе используется Ивановым для истолкования образа князя Мышкина: «Перед нами душа, упавшая из того “наднебесного удела” Платона (ὑπερουράνιος τόπος), где нерожденные созерцают с богами формы вечной красоты. Но почему свершилось это падение на землю? Скорее всего, из страстного стремления к Земле и к воплощению в земной плоти» [Иванов 2021^a, 80]. Вместе с тем у князя Мышкина, как и у Дон Кихота, сущностная черта сознания, по мысли Иванова, – «платонизм и их Платонов Эрос» [Там же, 77]. Высшая идея прозрения метафизической реальности для Достоевского, как считает он, – это Христос, Богоматерь или «Ангел народа». «Ангел народа», по его мысли, соответствует «Платонову ἡγεμονιχόν» (руководящему началу – *греч.*) «на языке Откровения» [Там же, 54]. Анализируя романы Достоевского, Иванов пишет, что Достоевский свою «доктрину» как писатель и художник, «призванный, по Платону, творить мифы (μῦθος), а не учения (λόγους), – мог осознать всецело и во всей ее чистоте лишь в зеркале мифа» [Там же, 104].

Таким образом, в исследованиях Иванова о Достоевском содержатся множественные отсылки к Платону, использование некоторых герменевтических принципов его

диалогов, обращение к языку символических и мифопоэтических образов древнегреческого философа (пещера, Эрос, возничий), оперирование его понятиями: «эйдос», «философское умирание», «анамнесис» и др. Специфика герменевтики Иванова заключается прежде всего в формировании у него «поля интерпретации», в которое входил не только текст диалогов Платона и его понятия, но и тезаурус, укорененный в русской религиозной философии и прежде всего в учении В.С. Соловьева. Это позволяет понять особенности его принципов истолкования христианской природы творчества Достоевского и «скрытого платонизма» писателя как поиска религиозной истины, открытой к интерпретации.

Примечания

¹ Указывалось прежде всего на влияние философии Ф. Шлейермахера, В. Дильтея и Ф. Ницше [Гидини 1989, 192, 195–196], подчеркивалась близость принципов герменевтики Вяч. Иванова романтической философии искусства и аристотелевскому катарсису [Bird 2001; Бёрд 2002, 107]. Тяготение к экзегетике Данте и философии Гёте отмечал в герменевтике Иванова при анализе множественности его подходов к истолкованию романов Ф.М. Достоевского К.Г. Исупов [Исупов 2012].

² В статье «О границах искусства» (1913) Вяч. Иванов писал, что «такое определение предполагает образующее начало активным, вещественный же субстрат не пассивным только, но и пластическим, в смысле <...> внутренней готовности <...> принять не извне поверхностно налагаемую, но как бы внутренне проникающую его форму» [Иванов 1974, II, 634].

³ В эссе «Forma formans и forma formata» (1947) реализуются эстетические идеи Вяч. Иванова, восходящие к различным источникам, в том числе к платонизму, который понимается, как пишет В.В. Петров, «максимально широко и включает в себя как античный неоплатонизм, так и христианский неоплатонизм, элементы которого вошли в католическую традицию» [Петров 2019, 230].

⁴ Например, Т. Слезак пишет о мышлении Платона, у которого «диалоги отсылают за свои пределы» [Слезак 1993, 58]. Важен выделяемый им принцип «непрямого сообщения» у Платона как умения «открывать глубинный, “подлинный” смысл некоего текста или хода рассуждений» [Там же, 88].

⁵ В первом томе «Творений Платона» в переводе с древнегреческого В.С. Соловьева содержатся пояснительные заметки мыслителя к диалогам Платона, а также его предисловие и вступительная статья «Жизнь и произведения Платона (предварительный очерк)», см.: [Платон 1899].

⁶ Ф. Шлейермахер объяснил это тем, что «совершенное знание всегда движется по этому мнимому кругу, в котором всякая часть может быть понята только из всеобщего, частью которого она является, и наоборот» [Шлейермахер 2004, 65].

⁷ Х.-Г. Гадамер в работе «О круге понимания» выходит за рамки формально-логического истолкования герменевтического круга, поэтому его идеи близки Вяч. Иванову, когда он утверждает, что «задача герменевтики – прояснить это чудо понимания» [Гадамер 1991, 73].

⁸ Карпов Василий Николаевич (1798–1867) – философ, психолог, преподаватель Киевской, а затем Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1833), один из наиболее известных в XIX в. переводчиков и комментаторов диалогов Платона.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Архив Иванова^a – Архив Вячеслава Иванова // ИРЛИ РАН. Ф. 607. № 128 (*Vyacheslav Ivanov's Archive, in Ancient Greek*).

Архив Иванова^b – Архив Вячеслава Иванова // ИРЛИ РАН. Ф. 607. № 236 (*Vyacheslav Ivanov's Archive, in Russian*).

Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М.М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175 (Bakhtin, Mikhail M., *Problems of Dostoevsky's Creation, in Russian*).

Булгаков 1918 – *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.А. Сахарова, 1918 (Bulgakov, Sergei N., *Quiet Thoughts, in Russian*).

Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / Пер. с нем. под ред. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988 (Gadamer, Hans-Georg, *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik, Russian Translation*).

Гадамер 1991 – *Гадамер Х.-Г.* Актуальность прекрасного / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Искусство, 1991 (Gadamer, Hans-Georg, *Die Bedeutung von Schönheit. Die Artikelsammlung, Russian Translation*).

Иванов 1971–1987 – *Иванов Вяч.И.* Собр. соч. В 4 т. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1971 (Ivanov, Vyacheslav I., *Collected Works in 4 volumes*, in Russian).

Иванов 1999 – *Иванов Вяч.И.* <Авторское истолкование стихотворения «На суде пред божием престолом»> / Публ. А.Б. Шишкина // *Иванов Вяч.И.* Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 7–8 (Ivanov, Vyacheslav I., *The Author's Interpretation of the Poem "At the Judgment in front of God's Throne"*, in Russian).

Иванов 2015 – *Иванов Вяч.И.* Дионис и прадионисийство / Ред. и коммент. Г.Ч. Гусейнова // Символ: журнал христианской культуры. 2015. № 65. С. 9–429 (Ivanov, Vyacheslav I., *Dionysus and Pradionisiistvo*, in Russian).

Иванов 2018 – *Иванов Вяч.И.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом, 2018 (Ivanov, Vyacheslav I., *By the Stars: Philosophical, Aesthetic, and Critical Experiences. Articles and Aphorisms*, in Russian).

Иванов 2021^a – *Иванов Вяч.И.* Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 5–159 (Ivanov, Vyacheslav I., *Dostoevsky: Tragedy – Myth – Mysticism*, in Russian).

Иванов 2021^b – *Иванов Вяч.И.* <Лекции о Достоевском, прочитанные Вяч. И. Ивановым в Бакинском университете, в записях Ивановой Л.В.> // *Иванов Вяч.И.* Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 169–177 (Ivanov, Vyacheslav I., *Lectures on Dostoevsky by V. Ivanov at Baku University, in the Notes of L.V. Ivanova. 1921*, in Russian).

Лосев 1971 – *Лосев А.Ф.* Тимей. Мифологическая диалектика космоса // *Платон.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 647–676 (Losev, Alexey F., *Timaeus. Mythological Spatial Dialectic*, in Russian).

Платон 1863 – *Платон.* Соч. Т. IV / Пер. с древнегреч. В.Н. Карпова. СПб., 1863. С. 1–116 (Plato, *Opera*, Russian Translation by Vasily N. Karpov).

Платон 1899 – Творения Платона / Пер. с древнегреч. В.С. Соловьева. Т. 1. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1899 (Plato, *Opera*, Russian Translation by Vladimir S. Solovyev).

Платон 1971 – *Платон.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3 (1) / Пер. с древнегреч. под ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1971 (Plato, *Complete Works in three volumes*, Russian Translation).

Слезак 2009 – *Слезак Т.* Как читать Платона / Пер. с нем. М.Е. Буланенко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009 (Szlezák, Thomas A., *Platon Lesen*, Russian Translation).

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988 (Solovyev, Vladimir S., *Works*, in Russian).

Флоренский 2000 – *Флоренский П.А.* Смысл идеализма (метафизика рода и лица) // *Флоренский П.А.* Собр. соч. В 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. С. 68–144 (Florensky, Pavel A., *The Meaning of Idealism (Metaphysics of Type and Face)*, in Russian).

Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993 (Heidegger, Martin, *Zeit und Sein*, Russian Translation).

Шлейермахер 2004 – *Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Европейский дом, 2004 (Schleiermacher, Friedrich, *Hermeneutik*, Russian Translation).

Эрн 1991 – *Эрн В.Ф.* Соч. М.: Правда, 1991. С. 465–532 (Ern, Vladimir F., *Works*, in Russian).

Ivanow, Wjatscheslaw I. (1932) *Dostojewskij: Tragödie – Mythos – Mystik*, Übers. von Kresling A., J.C.V. Mohr (Paul Siebeck), Tübingen.

Ivanov, Dmitry V. (1989) “Dioniso e i culti predionisiaci di V. Ivanov”, *Dalla Forma allo Spirito*, Guerini e associati, Milano, pp. 221–222.

Ссылки – References in Russian

Бёрд 2002 – *Бёрд Р.* Символизм Вячеслава Иванова: от романтики к герменевтике // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного Симпозиума. Вена, 1998 / Под ред. С.С. Аверинцева, Р. Циглер. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2002. С. 99–111.

Бонецкая 2014 – *Бонецкая Н.К.* Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.

Гидини 1989 – *Гидини К.* Литературная критика и герменевтика в работах Иванова о Достоевском // Vjaceslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums / Ed. Potthoff W. Heidelberg: Winter, 1993. S. 190–203.

Исупов 2012 – *Исупов К.Г.* Символизм и герменевтика // Opuscula slavica sedcensia. Т. 1 / Ed. R. Mnich i R. Bobryk. Siedlce: Tutajteraz, 2012. С. 7–98.

Петров 2019 – *Петров В.В.* Философско-эстетические взгляды Вяч. Иванова в эссе “Forma formans и forma formata” // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 2. С. 228–251. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-228-251.

Светлов 2019 – *Светлов Р.В.* Происхождение герменевтики и русские переводы Платона XIX в. // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 23–27. DOI: 10.31857/S004287440006314-0.

Силард 2002 – *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.

Титаренко 2010 – *Титаренко С.Д.* К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / Под ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского, А.Б. Шишкина. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 402–413.

References

Bird, Robert (1998) “Vyacheslav Ivanov’s Symbolism: from Romance to Hermeneutics”, Averintsev, Sergey S., Ziegler, Rosemary, eds., *Vyacheslav Ivanov and his time: Materials of the VII International Symposium*, Peter Lang, Frankfurt am Main, pp. 99–111 (in Russian).

Bird, Robert (2001) “Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories”, *Dostoevsky Studies, New Series*, Vol. V, pp. 129–146.

Bonetskaya, Natalia K. (2014) “Forerunners of Russian Hermeneutics”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2014), pp. 90–98 (in Russian).

Guidini, Candida (1993) “Literature Criticism and Hermeneutics in Ivanov’s Works on Dostoevsky”, Potthoff, Wilfried, ed., *Vjaceslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums*, Winter, Heidelberg (in Russian).

Isupov, Konstantin G. (2012) “Symbolism and Hermeneutics”, Mnich, Roman, Bobryk, Roman, eds., *Opuscula slavica sedlcensia*, Vol. 1, Tutajteraz, Siedlce, pp. 7–98 (in Russian).

Petrov, Valery V. (2019) “Philosophical and Aesthetic Views of Vyacheslav Ivanov in His Essay “Forma Formans and Forma Formata””, *Studia Litterarum*, Vol. 4, No. 2, pp. 228–251 (in Russian).

Svetlov, Roman V. (2019) “Hermeneutics in Russia: Russian Translations of Plato of the XIX Century”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 23–27 (in Russian).

Szilard, Lena (2002) *Hermetism and Hermeneutics*, Ivan Limbach Publishing House, Saint Petersburg (in Russian).

Terras, Victor (1990) “The Metaphysics of the Novel-Tragedy: Dostoevsky”, *Russianness: Studies on a Nation’s Identity, Honor of Rufus Mathewson, 1918–1978. Studies of the Harriman Institute*, Ardis/Ann Arbor, Michigan, pp. 153–163.

Titarenko, Svetlana D. (2010) “To the Interpretation of Notes by Vyacheslav Ivanov in the Margins of Plato’s Dialogue “Phaedrus””, Lappo-Danilevskiy, Konstantin Yu., Shishkin, Andrey B., eds., *Vyacheslav Ivanov. Research and Materials, Issue 1*, Pushkin House Publishing, Saint Petersburg, pp. 402–413 (in Russian).

Сведения об авторе

ТИТАРЕНКО Светлана Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

Author’s Information

TITARENKO Svetlana D. – DSc in Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature at Saint Petersburg State University.